

ли скандинавское, но также имело жесткие законы и правила. Одна из наиболее характерных черт этого искусства — потрясающая образность, богатство эпитетов, таящие не только общеизвестное кельтское стремление к поэтике, но и глубочайший магический смысл, ускользающий в большинстве случаев от современных исследователей. Приведу в качестве примера небольшой стихотворный фрагмент, также приписываемый Аморгену:

*Я — ветер над морем,
 Я — волна в океане,
 Я — бык семи схваток,
 Я — ястреб на скалах,
 Я — капля росы,
 Я — ветвь свирепый,
 Я — искусное слово,
 Я — клинка острие...*

Мы еще вернемся к магической символике образов в кельтских заклинательных текстах; здесь же мне хочется указать на то, что русский перевод древнеирландского текста хотя и позволяет увидеть эти образы, оказывается лишенным главного — стихотворной формы. Но прочитав приведенный отрывок, нельзя не вспомнить знаменитые бальмонтовские, почти заклинательные, строки:

*Я — изысканность русской медлительной речи,
 Предо мною другие поэты — предтечи,
 Я впервые открыл в этой речи уклады,
 Перепевные, гневные, нежные звоны.*

*Я — внезапный излом,
 Я — играющий гром,
 Я — прозрачный ручей,
 Я — для всех и ничей...*

Но вернемся к ирландским филидам.

Принципиальное отличие ирландских филидов от скандинавских скальдов заключалось в том, что каждый филид помимо искусства стихосложения овладевал еще и знанием истории и законов, выполняя це-